

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 29. «Близится полдень мой с грозами»

Выпуск № 329

Николай Клюев

Радость видеть первый стог,
Первый сноп с родной полосы,
Есть отжиночный пирог
На меже, в тени берёзки,

Знать, что небо ввечеру
Над избой затеплит свечки,
Лики ангелов в бору
Отразят лесные речки.

Счастье первое дитя
Усыплять в скрипучей зыбке,
Тёмной памятью летя
В край, где песни и улыбки.

Уповать, что мир потерь
Канет в сумерки безвестья,
Что, как путник, стукнет в дверь
Ангел с ветвью благовестья.

1913

Сергей Есенин

Серебристая дорога,
Ты зовёшь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господним
Сам себя я приведу.

1918

Фёдор Сологуб

Преодолел я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.

Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И всё цветущее хвалю.

Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.

1904

Выпуск № 361

Владимир Набоков

Мы с тобою так верили

Мы с тобою так верили в связь бытия,
но теперь оглянулся я, и удивительно,
до чего ты мне кажешься, юность моя,
по цветам не моей, по чертам недействительной.

Если вдуматься, это как дымка волны
между мной и тобой, между мелью и тонущим;
или вижу столбы и тебя со спины,
как ты прямо в закат на своем полуночном.

Ты давно уж не я, ты набросок, герой
всякой первой главы, а как долго нам верилось
в непрерывность пути от ложбины сырой
до нагорного вереска.

1938

Арсений Тарковский

25 июня 1939 года

И страшно умереть, и жаль оставить
Всю шушеру пленительную эту,
Всю чепуху, столь милую поэту,
Которую не удалось прославить.
Я так любил домой прийти к рассвету,
И в полчаса все вещи переставить,
Ещё любил я белый подоконник,
Цветок и воду, и стакан гранёный,
И небосвод голубизны зелёной,
И то, что я – поэт и беззаконник.

А если был июнь и день рожденья
Боготворил я праздник суетливый,
Стихи друзей и женщин поздравленья,
Хрустальный смех и звон стекла счастливого,
И завиток волос неповторимый,
И этот поцелуй неотвратимый.

Расставлено всё в доме по-другому,
Июнь пришёл, я не томлюсь по дому,
В котором жизнь меня терпенью учит,
И кровь моя мутится в день рожденья,
И тайная меня тревога мучит, –
Что сделал я с высокою судьбою,
О Боже мой, что сделал я с собою!

1940

[Выпуск № 1044](#)

[Варлам Шаламов](#)

Букет

Цветы на голом горном склоне,
Где для цветов и места нет,
Как будто брошенный с балкона
И разлетевшийся букет.

Они лежат в пыли дорожной,
Едва живые чудеса...
Их собираю осторожно
И поднимаю – в небеса.

Юлий Даниэль

Сорокалетие

Как славно знать, что был ты несерьёзен,
Что ты плевал на важные дела
И что беспечность, как смола из сосен,
Свободно и естественно текла.

Пусть рот кривят солидные мужчины
С высот сорокалетия своего.
Как славно знать, что не было причины
И что тебя кружило озорство.

О тени предков, преданных идеям,
Сюжетцы для возвышенных стихов!
Куда как лучше стать себе злодеем
За просто так, во имя пустяков.

Брести без брода и ваять из снега,
Уйти в бега, влюбиться на пари...
Мальчишество мое, мой alter ego,
Со мной всегда на равных говори.

Никто не властен над своей планидой,
Но можно ей подножку дать, шая...
Эй, наверху! За простоту не выдай!
Не расступайся, мать сыра земля.

Выпуск № 386

Николай Языков

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...

Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година;
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Всё миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моём пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера ещё, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдёт ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь;
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго пената
С твоим сольётся мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

1826

Марина Цветаева

Молодость

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!

Воспалённые глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты в ночи нашёптывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

2

Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...
Постоим с тобою на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! – Спляши, ошпарь!
Золотце моё – прощай – янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.

Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!

1921

Выпуск № 726

Наталья Крандиевская

Высокомерная молодость,
Я о тебе не жалею!
Полное пены и холода
Сердце беречь для кого?

Близится полдень мой с грозами,
Весь в плодоносном цветении.
Вижу, – с блаженными розами
Колос и терн перевит.

Пусть, не одною усладою –
Убылью, горечью тления,
Смертною тянет прохладой
Из расцветающих недр, –

Радуйся, к жертве готовое,
На остриё вознесённое,
Зрей и цветы, исступлённое
Сердце, и падай, как плод!

1917

Марина Цветаева

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.

Это пеплы, пред коими
В прах – гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит Бог в мои двери –
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух – из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость – победа
Бессмертных сил.

1922

Выпуск № 840

Марина Цветаева

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
– Не жалейте! Всё сбылось,
Всё в груди слилось и спелось.

Спелось – как вся даль слилась
В стонущей трубе крайны.

Господи! Душа сбылась:
Умысел твой самый тайный.

=====

Несгорающую соль
Дум моих – ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?

Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громам и дымам,
К молодым сединам *дел* –
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым сединам *бед*
Лавр пристал – и дуб гражданский.

1922

Лариса Миллер

А там, где нет меня давно,
Цветут сады, грохочут грозы,
Летают зоркие стрекозы
И светлых рек прозрачно дно;
И чья-то смуглая рука
Ласкает тоненькие плечи.
Там чей-то рай, там чьи-то встречи.
О юность, как ты далека!
Вернуться в твой цветущий сад
Могу лишь гостем, чтоб в сторонке
Стоять и слушать щебет звонкий
И улыбаться невпопад.

1975

Александр Пушкин

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ – холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

Выпуск № 409

Арсений Тарковский

Позднее наследство,
Призрак, звук пустой,
Ложный слепок детства,
Бедный город мой.

Тяготит мне плечи
Бремя стольких лет.
Смысла в этой встрече
На поверку нет.

Здесь теперь другое
Небо за окном –
Дымно-голубое,
С белым голубком.

Резко, слишком резко,
Издали видна,
Рдеет занавеска
В прорези окна,

И, не уставая,
Смотрит мне вослед
Маска восковая
Стародавних лет.

1955

Давид Самойлов

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега, листопады
Недавно отшуршали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И всё, что было зыбко,
Растрёпанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветлённый.
И кажется, что город
Стоит ненаселённый, —

Так много сверху неба,
Садов и гнёзд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних...

О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,

И что, порой, напрасно
Давал страстям улечься,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

1963

Выпуск № 221

Георгий Адамович

Пора печали, юность – вечный бред.

Лишь растеряв по свету всех друзей,
Едва дыша, без денег и любви,
И больше ни на что уж не надеясь,
Он понял, как прекрасна наша жизнь,
Какое торжество и счастье – жизнь,
За каждый час её благодарит
И робко умоляет о прощеньи
За прежний ропот дерзкий...

Николай Гумилёв

Эзбекие

Как странно – ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещённый.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни солёный, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров –
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам её приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всём подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещи друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звёзд, – так низко были звёзды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти – жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о лёгкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно – ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, слыша
В гуденье ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчанье ночи
Таинственное слово – Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица –
Всё, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

1918

Выпуск № 202

Мария Петровых

Мы смыслом юности влекомы
В простор надземной высоты –
С любой зарницею знакомы,
Со всеми звёздами на «ты».

Земля нам кажется химерой
И родиною – небеса.
Доходит к сердцу полной мерой
Их запредельная краса.

Но на сердце ложится время,
И каждый к тридцати годам
Не скажет ли: я это бремя
За бесконечность не отдам.

Мы узнаём как бы впервые
Леса, и реки, и поля,
Сквозь переливы луговые
Нам улыбается земля.

Она влечёт неодолимо,
И с каждым годом всё сильнее.
Как женщина неуголима
В жестокой нежности своей.

И в ней мы любим что попало,
Забыв надземную страну, –
На море грохотанье шквала,
Лесов дремучих тишину,

Равно и грозы и морозы,
Равно и розы и шипы,
Весь шум разгорячённой прозы,
Разноголосый гул толпы.

Мы любим лето, осень, зиму,
Ещё томительней – весну,
Затем, что с ней невыносимо
Земля влечёт к себе, ко сну.

Она отяжеляет налечь
Опавших на сердце годов
И успокоится тогда лишь
От обольщающих трудов,

Когда в себя возьмёт всецело.
Пусть мёртвыми – ей всё равно.
Пускай не душу – только тело...
(Зачем душа, когда темно!)

И вот, с единственной, с нею,
С землёй, и только с ней вдвоём
Срастаться будем всё теснее,
Пока травой не изойдём.

Даниил Андреев

А сердце ещё не сгорело в страданье,
Всё просит и молит, стыдясь и шепча,
Певучих богатств и щедрот мирозданья
На этой земле, золотой как парча:

Неведомых далей, неслыханных песен,
Невиданных стран, непройдённых дорог,
Где мир нераскрытый – как в детстве чудесен,
Как юность пьянящ и как зрелость широк;

Безгрозного полдня над мирной рекою,
Куда я последний свой дар унесу,
И старости мудрой в безгневном покое
На пасеке, в вечно шумящем лесу.

Я сплю, – и всё счастье грядущих свиданий
С горячей землёю мне снится теперь,
И образы невоплощённых созданий
Толпятся, стучась в мою нищую дверь.

Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук – как причастье,
А тусклое зарево бед – как лучи!

Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвётся ко мне –
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.

1941